
УКРАДЕННАЯ НЕВЕСТА
16+
Татьяна Новикова
Леси Филеберт

Татьяна Новикова

Украденная невеста

«Автор»
«Автор»
2020

Новикова Т.

Украденная невеста / Т. Новикова — «Автор», «Автор», 2020

Этот мужчина ворвался в мою жизнь и украл меня с собственной свадьбы. Как он смеет решать, что для меня лучше? Зачем бодается с моим бывшим женихом? Два упертых оленя!Один жаждет запереть меня в золотой клетке, а другой видит во мне игрушку на одну ночь.Ненавижу обоих и покажу, на что способны разъяренные невесты!Но для начала неплохо бы разобраться с чередой неприятностей, чтоб обрушились на мою голову, и выжить во всем этом хаосе...

© Новикова Т., 2020
© Автор, 2020
© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Побег 5
Глава 2. Меж двух огней 9
Глава 3. Прости меня 13
Глава 4. Миллион алых роз 16
Глава 5. Улыбочку! 19
Глава 6. Наощупь 23
Глава 7. Утро вечера мудренее 28
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Татьяна Новикова, Леси Филеберт
Украденная невеста

Глава 1. Побег

Думала ли я, что захочу сбежать с собственной свадьбы?

Если честно, думала. Все те три месяца, что шла подготовка, я мечтала о том, как смотаюсь куда подальше. Мысленно собирала чемоданы и покупала билет в один конец.

А ведь начиналось вполне неплохо.

Вова сделал мне предложение в ресторане, встав на одно колено и произнеся трогательную речь о любви. Банально, конечно, но он вообще консервативен в таких вещах.

Разве я могла отказаться?

Могла, конечно же, но тогда вставал вопрос: а чего я мучаю человека? Раз встречаемся, надо жениться. Логично? Вроде бы да.

Короче говоря, мы наметили свадьбу. И понеслась. Вова с энтузиазмом выбирал ресторан и угощения, а я занималась тем, что ничего не делала. Меня с моим «креативным» подходом попросту не допустили до подготовки. Мой жених кайфовал от всей этой суеты, мне же оставалось вяло таскаться за ним и соглашаться на всякую ересь.

Зря я вообще ввязалась в эту авантюру, но Вова умеет настаивать, и вот – я стою в пышном платье белого цвета и ощущаю себя тортом. Гигантским таким десертом, который щедро полит сливками. Довершает его – то есть меня – кремовая загогулина в виде фаты.

Я рассматриваю себя в зеркале, и оттуда на меня таращится размалеванная девица. Пряди завиты мелким бесом, губы алые-алые, точно сама кровь. Мой взгляд кричит: «Уматывай отсюда, дура безмозглая!»

Но где-то снаружи шныряет Вова со свитой из многочисленных родственников (одних только тетушек у него семь штук). Нельзя с ним так поступать. Он ведь хороший. Искренне меня любит, принимает со всеми тараканами. А тараканов этих у меня целый выводок.

– Ты какая-то хмурая, Васнецова, – доносится до меня мужской голос.

От неожиданности я подскакиваю. Дверь же закрыта!

Оборачиваюсь к окну и вижу, что на подоконнике сидит дьявол в человеческом обличии – Дмитрий Кондратьев. Красавчик, иначе и не скажешь. Обворожительный, зеленоглазый брюнет. Скулы острые, взгляд такой цепкий, что не вырваться.

Мы недолгое время проработали в одном салоне, и мне показалось неплохой идеей пригласить его на свадьбу в качестве фотографа.

Признаться, когда-то я сама пускала по нему слюни, но меня быстро отпустило. Кондратьев – прирожденный бабник. С такими водиться попросту опасно.

Зато как фотограф – самое то. Дима умеет поймать кадр, снимки у него получаются невероятно живыми.

Он влез через окно – на первом этаже грех не влезть – и сейчас крутит в руках громоздкий фотоаппарат, примеряясь ко мне.

– Вот наденут на тебя такое платье, тогда и поговорим, – ворчу, оттягивая тесный ворот.

Ненавижу все эти кружева, рюшки и оборки. Вова настаивал на классическом варианте, да только в итоге ему понравился сущий ужас. Куда такие длиннющие рукава? Зачем этот тугой корсет, который не обтягивает, а сдавливает? А кринолин? Сколько его здесь, рядов десять?

– Надеюсь, не наденут, – Дима делает быстрый кадр и спрыгивает с подоконника. – Так, невеста, покрутись перед зеркалом. Устроим тебе свадебный репортаж.

Я корчу такую страдальческую мину, что Кондратьева пробирает кашель.

– От твоего взгляда киснет молоко. Ты вообще рада, что выходишь замуж?

– Рада, конечно, просто выпендриваюсь, – отвечаю так быстро, чтобы он не уловил в моем голосе сомнение. – Как тут не радоваться?

– Слушай, Васнецова. – Дима рассматривает меня через объектив. – Давай-ка я тебя украду ненадолго. Устроим предсвадебную фотосессию. Развеешься перед ответственным мероприятием. Нормальная идея?

– У нас регистрация через час. – Перевожу взгляд с наручных часов на окно, за которым расцветает поздняя весна.

На яблоне, что растет во дворе, распускаются сочные, налитые белизной цветки. Пахнет свежестью и предстоящим летом. Мне хочется ненадолго свалить из коттеджного поселка, где вскоре состоится свадьба. Затеряться. Скрыться ото всех.

– Ты сомневаешься в моем профессионализме? – Он закатывает глаза. – Да я тебя за полчаса так отфоткаю во всех позах и ракурсах, что стоять не сможешь.

Звучит п*о*шло. Дима во всем такой: колкий, резкий, прямолинейный. Зато с ним легко поддаться на любую авантюру. Соблазн и так велик, а этот искуситель (ну говорю же, дьявол!) ещё и хитро улыбается.

– Поехали.

Дима радостно хмыкает и направляется… к окну.

***

Я недоуменно спрашиваю:

– Почему не через дверь?

– А где ты видела, чтоб невест похищали через дверь? – ухмыляется он. – Хочешь всем объяснять, что ушла фотографироваться? Тебя ж на порог не выпустят, раскудахчутся, что опоздаешь на церемонию. Считай это сюрпризом для жениха.

Вообще-то он прав. Кроме многочисленной родни Вовы, там ещё и мои родственники. А они – сущая катастрофа. Сразу начнется: «Куда же ты, Анюта? Ой, зачем тебе это?»

Я вылезаю через подоконник быстрее, чем Дима успевает протянуть руку. Одобрительное хмыканье означает, что Кондратьев мой прыжок в необъятном платье заценил.

Через «черный» вход мы выползаем на улочку, где припаркована иномарка Димы. Он щелкает брелоком сигнализации, галантно приоткрывает дверь.

– Мы точно успеем? – с сомнением смотрю на ворота, за которыми начнется паника, если невеста потеряется.

– Честное пионерское!

Ай, да и черт бы с ним.

Машина срывается с места, оставляя за собой туман из дорожной пыли. Мы петляем по узеньким улочкам и выруливаем на шоссе. Кондратьев прибавляет газу.

– Куда едем? – Я пытаюсь уложить сотню юбок на сидении, но они топорщатся во все стороны.

– А куда хочешь? – Дима смотрит на меня с ехидцей. – Называй любое место. Город? Пляж? Аэропорт?

– В смысле?.. Ты не знаешь, куда меня везти?

– Васнецова, давай по-честному, – он тяжко вздыхает. – Сейчас мы едем куда угодно. В любом направлении. Главное – подальше от твоего жениха.

Я пялюсь на него во все глаза. Чего-чего? Что за нелепые шутки?

– Я же сказал, что украду тебя, – смеется Дима. – Вот. Украл.

– Но не по-настоящему же!

Только теперь я понимаю, что, кажется, этот человек не шутит. Он, действительно, выкрал меня с собственной свадьбы. Зачем только?..

***

Ничего не понимаю. На секунду меня охватывает страх, но после я успокаиваю себя. Дима не причинит мне вреда, мы давно знакомы (пусть и шапочно). Кроме того, моё отсутствие скоро заметят, забьют тревогу.

Да и не похож Кондратьев на человека, готового на всякие злодейства.

Не похож ведь?..

– Васнецова, называй меня какими угодно словами, но я тебя обратно не повезу, – говорит он мрачно. – Да у тебя такая морда была кислая, словно ты топиться собралась, а не замуж выходить. На кой ляд тебе этот Вова?

– Что ты несешь? – поджимаю губы. – Разверни машину. Мне нужно успеть на свадьбу.

– Не нужно. Я вижу, что не нужно. Ты не будешь счастлива с каким-то скучным прокурором. Анька, я ведь знаю твой взрывной характер. Неужели ты хочешь, чтоб всё получилось вот так? В платье убогом, пожирая тазами оливье? Да ты же изнутри увянешь. Тебе ведь свобода нужна, а не это всё.

Он крепче сжимает руль. Заостряется линия скул, и взгляд становится строже. Мы обгоняем одинокий КАМАЗ и вновь остаемся одни на трассе. Его слова слишком резки. Они пугают меня. Злят. Выворачивают наизнанку.

– Ничего ты не понимаешь. Заткнись. – Зажимаю руками уши. – Останови машину. Останови, я сказала!

Кондратьев не сопротивляется. Мы тормозим так резко, что визжат шины. Я выскакиваю наружу, подобрав подол платья, и рассматриваю пустынное шоссе. Ни единой живой души. Даже КАМАЗа и того нет, видимо, свернул на какую-то проселочную дорогу.

Вашу ж мать!

– Дима, давай нормально поговорим. – Я пытаюсь придать голосу спокойствия. – Как взрослые люди.

– Я не хочу говорить как взрослый человек, – он качает головой. – Я желаю тебе счастья, Аня. Ты мне ещё спасибо скажешь. Поехали отсюда, а?

Он вылезает с водительского сидения и делает шаг в моем направлении, но я вскидываю руки.

– Пошел к черту, психопат.

Ну что ж, Васнецова. Твоя мечта сбылась. Ты сбежала с собственной свадьбы. Почему тогда так душит от злобы и отчаяния? Ещё и осталась совсем одна: без документов, без денег, даже без мобильного телефона.

Словно услышав мои мысли, Кондратьев кидает мне мою сумочку – когда успел взять со столика?! – и пожимает плечами.

– Тогда до встречи.

Вдох. Выдох. Я разворачиваюсь на каблуках и бреду подальше от иномарки, которая не собирается уезжать. Думаю вызвать такси, чтобы вернуться к Вове. Даже набираю номер, но…

Сбрасываю вызов.

Разумеется, Кондратьев – придурок, который возомнил себя вершителем судеб. Но неужели в его словах нет правды? Неужели я хочу вернуться туда, откуда мечтала сбежать? Криво улыбаться гостям и целоваться исключительно по требованию «Горько!»?

Неужели я хочу обратно к Вове?..

Я вновь набираю номер и, когда девушка-оператор сообщает, что готова принять заказ, долго колеблюсь: какой адрес назвать.

– В связи с тем, что вы находитесь далеко от города, наш водитель подъедет в течение часа, – сообщает девушка веселым голоском.

– Ничего страшного, подожду.

С этими словами я плюхаюсь прямо на землю. Почерневшее платье больше не похоже на торт, скорее – на нестиранное тряпье. Фату перекосило, а в глазах щиплет от слез – значит, тушь вот-вот размажется.

Так себе невеста, если честно.

Надеюсь, я сделала правильный выбор.

Глава 2. Меж двух огней

Пошел к черту… Да черт и так уже стоял у меня за спиной с утра пораньше, судя по моим выходкам.

Вот кто меня дернул похитить Аню с ее собственной свадьбы, а? Интересно, какой из мозгов в этот момент функционировал? Явно не тот, что заполнял черепную коробку.

Аня пошла вдоль трассы, и я, как последний идиот, позволил ей уйти. Психанул на ровном месте. Кажется, всерьез надеялся, что она радостно кинется на шею мне, великому спасителю от несчастной судьбы. Но она не кинулась, и я втопил педаль газа, долго гонял по трассе, потом бесцельно колесил по городу, раздираемый противоречивыми эмоциями.

Как бы отвлечься от этого внезапного безумия? Надо срочно придумать, куда завалиться и потусить до ночи, чтобы как следует проветрить то недоразумение, что заменяет мне сегодня голову.

В салоне машины раздается требовательный звонок телефона, и я включаю громкую связь.

– Аллео?

Славик как всегда вовремя. Есть у него некий фантастический талант сваливать на меня работу, когда позарез нужно занять себя. Вот и сейчас он тараторит без умолку, зовет поснимать репортаж этим вечером. Соревнования в бойцовском клубе – самое то для меня. На подобных мероприятиях всегда царит крутая атмосфера, смесь радости, адреналина, горечи поражения.

– Только готовые фото нужны как можно быстрее. За пару часов сможешь сделать?

Возмущенно фыркаю.

– Сделаю за час. В течение недели.

– Хэй, ну я же серьезно!

– Я тоже. За срочность – двойная оплата. Мои расценки ты знаешь.

– А у тебя ничего не треснет от такой наглости?

– Справлюсь как-нибудь с этой бедой. А вот вы без меня не справитесь.

– Димон, ну я ж тебя как друга прошу! Чего ты выкобениваешься? Мы ж тебе замену влёгкую найдём.

– Ну так и найдите, – равнодушно пожимаю плечами, хоть собеседник меня не видит. – Какого-нибудь студента-любителя с мыльницей вместо фотоаппарата. Он вам за копейки такой огонь отщелкает – закачаешься! Я потом с удовольствием буду выслушивать твои маты в адрес этого недофотографа и с еще большим удовольствием займусь обработкой неудачных кадров – то есть всех. По тройного тарифу.

Ухмыляюсь, слушая возмущения Славика, но знаю, что уже выиграл этот раунд переговоров.

– Адрес давай, – говорю, поворачивая обратно к центру города, так как уже успел уехать на другой его конец.

Насвистываю знакомую мелодию, играющую по радио, а сам мыслями витаю где-то очень далеко.

Аня, Анечка, Анюта… Нам приходилось работать вместе, и, признаться, была у меня когда-то мысль замутить с этой рыжеволосой красоткой. Но она была из тех правильных девушек, кто не любит короткие интрижки, а на что-то большее я сам был не способен. Понимал это, потому не лез в ее жизнь, тем более что вокруг нее вовсю скакал этот прилизанный чурбан Владимир Суханов, весь такой из себя правильный, идеальный.

Я поначалу радовался за Аню, со стороны казалось, что вот она, наконец, обрела свое счастье. Наверно, и она так считала. Но глядя на нее в свадебном платье, я был готов подумать,

что она на себя саванн надела, честное слово. Такой мертвый взгляд пойманной птички, которая больше никогда не будет летать.

На самом деле, я собирался просто отработать фотографом на свадебном торжестве, честно выполнить заказ, отскакать в ресторане до самой ночи, а потом надраться виски в любой злачной забегаловке, хороня какую-то частичку себя.

Но что-то изменилось сегодня, когда я увидел Аню за час до торжественной церемонии. Подумал: какого черта она не моя? Позволить ей отдаться в лапы этого унылого прокурора? Да ни за что!

Похитить, увезти на край света, снять с нее этот клоунский наряд и сделать своей – вот о чем я думал тогда, глядя на нее.

Это было таким импульсивным решением, которое на тот момент казалось правильным, единственно возможным. А сейчас… Сейчас в голове плещется невнятная каша из обрывков мыслей и чувств, и с ней надо что-то делать.

Работа в бойцовском клубе подвернулась как нельзя вовремя и с головой увлекла меня в атмосферу битвы, соперничества. Репортажная съемка – вообще мой конек. Поймать крутые кадры в сложных условиях? Это ко мне! Запечатлеть сиюминутные эмоции? Да запросто!

Я уже много лет работаю профессиональным фотографом, разъезжаю по разным странам в поисках уникальных кадров, лезу в самое пекло. Про таких, как я, говорят – "человек без тормозов". Что ж, пожалуй, так и есть, и этим отчасти можно оправдать мою сегодняшнюю попытку украсть чужую невесту. У меня вообще по жизни все просто: хочу чего-то – иду и делаю это, без оглядки на окружающих. Хочу кого-то – беру свой трофей и вхожу в него. Без оглядки на окружающих, да.

Обычно такой подход приносит свои плоды. Но с Васнецовой вышла осечка… Что ж, она еще не знает, с кем связалась. Это был только первый раунд, и я не собирался так просто отступать. Вызов принят!

***

Ловлю себя на мысли, что я уже с минуту не снимаю репортаж, а тупо пялюсь в одну точку, строя коварные планы на покорение крепости по имени «Анна Васнецова». Черт, я это серьезно? Кажется, девочка наступила на мою гордость, не упав сходу в мои объятья.

В кармане вибрирует телефон, и я задумчиво смотрю на экран, не в силах сдержать раздосадованного стона.

Яна. Вот уж кого не надо было покорять – сама кидается в руки, в ноги и между ног. У нас с ней вроде как вялотекущий роман. Точнее это она так думает, для меня она просто знойная красотка со стервозным взглядом, с которой приятно коротать вечера, когда мне больше не с кем развлечься. Я сразу обозначил ей свое настроение, нас обоих устраивали свободные отношения.

Но в последнее время Яна терроризирует меня подозрительными намеками на светлое совместное будущее. Я пока успешно изображаю идиота, но чует мое сердце – недолго осталось.

– Нам нужно с тобой серьезно поговорить, – щебечет Яна на том конце провода.

Вот ненавижу, когда девушки так начинают телефонный разговор. Обычно после этой волшебной фразы наступает полный трындец.

– Нам?

– Ну ладно – мне. Мне очень нужно с тобой сегодня поговорить. Мы можем встретиться?

– Давай лучше завтра, а? День был тяжелый, а мне еще пахать и пахать…

– Нет, именно сегодня. Я настаиваю. Это очень важно.

Тяжело вздыхаю. Точно что-то вбила в себе в голову и теперь жаждет поделиться со мной гениальной идеей. Окидываю взглядом спортивный зал. Сейчас начнётся очередной раунд, надо успеть найти подходящие ракурсы, некогда отдыхать, но скоро будет перерыв.

– Я на Лазоревской в спорткомплексе и буду здесь еще часа два. Приезжай сюда, если тебе надо. Успеешь за полчаса? Тогда у меня будет время перекинуться словечком.

Ровно через тридцать минут вижу Яну, входящую в зал и надменно осматривающуюся по сторонам. Машу рукой, подзывая к себе.

– Привет, – говорит она с натянутой улыбкой.

Нос щекочет аромат духов, слишком сладкий и приторный. У Яны короткая стрижка, всегда идеальный яркий маникюр, такой же вызывающий макияж и эффектное облегающее платье. Все в ней кричит "ну возьмите меня!", и я невольно улыбаюсь. Яна всегда такая яркая и бойкая, этим она и привлекла мое внимание однажды.

Но сейчас она явно нервничает, а потому щебечет обо всем и ни о чем. Переминается с ноги на ногу, теребит лиловый клатч в руках.

Устав поддерживать светскую беседу, спрашиваю прямо:

– Ты для чего приехала? Если хочешь что-то сказать, то говори быстрее. А то я, видишь, уже погибаю от любопытства.

Яна недовольно поджимает губы, но все же перестает щебетать. Наконец-то.

– Я хотела поговорить о нас. О наших отношениях, которые пора переводить на новый уровень, тебе так не кажется?

***

– А что не так с нашим уровнем?

– Я хочу, чтобы мы пожили вместе. Если не хочешь пускать к себе или переезжать ко мне, может, снимем квартиру в центре города? Что скажешь? Я присмотрела тут одну симпатичную, там с балкона такие фотографичные виды открываются! Тебе понравится, уверена.

Я с трудом сдерживаюсь от желания мученически закатить глаза. Жёваный крот! Только не это, опять старая песня. Яна с завидной регулярностью капает мне на мозги с идеей "пожить вместе", но это вызывало у меня только искренний ужас. Такая бытовуха обязательно повлечёт за собой новые разговоры о, упаси боже, женитьбе, а жениться на Яне я не собираюсь. Вообще пока ни на ком не собираюсь и не хочу давать Яне даже намека на иллюзию такого варианта развития событий.

Но кажется, сегодня она настроена особенно решительно. Приближается ко мне почти вплотную, кладет руку мне на грудь и преданно заглядывает в глаза. Это она хорошо умеет, но только со мной такой фокус не пройдёт.

– Дим, давай хотя бы попробуем, а? Откуда ты знаешь, может тебе понравится? Я всегда буду рядом, в радости и печали.

– Ян, – вздыхаю я. – Не думаю, что это хорошая идея.

– Не говори так. Ты на самом деле так не думаешь. Расскажи мне, чего ты вообще хочешь от жизни?

– Адреналина, секса и рок-н-ролла, – ухмыляюсь я.

Мне совсем не хочется быть серьёзным. Я хочу тусить и зажигать, и обременение в виде женщины в моем доме мне сейчас точно не нужно, детка.

Но Яна упрямая, все равно продолжает гнуть свое, делая вид, что не слышит моей насмешки.

– А я вот хочу, чтобы ты меня поцеловал. Так пылко и страстно, как ты умеешь. Поцеловал и вспомнил о том, как нам всегда здорово вдвоем.

– Тебе постоянно хочется целоваться. А еще тебе хочется моих денег, не так ли?

Яна картинно возмущается, но я только качаю головой. Мне ли не знать, как она падка на толстые кошельки? Все время намекает на дорогие подарки, тащит в самые дорогие рестораны и жутко обижается, когда я уматываю без нее в очередное путешествие на другой конец планеты.

– Я тебе сразу сказал, что серьезных отношений между нами не будет. И честно говоря, я порядком устал от твоих попыток меня переубедить. Так что давай положим этому конец. Сегодня. Сейчас.

– Ты что… Бросаешь меня?

– Так будет лучше. Для нас обоих, – криво улыбаюсь я и пытаюсь отцепить от себя Яну.

Она держится за мою рубашку, как утопающий за соломинку. Пытливо смотрит в глаза, намереваясь прожечь во мне дырку, не иначе.

– Но так же нельзя! – восклицает она. – Мы с тобой слишком долго вместе!..

– Ян, мы вообще не вместе. Мы просто встречаемся иногда для удовлетворения физических потребностей.

– Я не верю, что ты в самом деле так думаешь! Ты просто боишься собственных чувств! И тебе нужно время, чтобы принять себя, меня… нас! Что я могу для тебя сделать? Как мне доказать свою преданность?

– Все, что ты можешь для меня сделать, – это лицо попроще и свалить в закат.

Грубо? Да и пусть. Меня порядком достали эти истеричные попытки нацепить на меня поводок. Давно пора было прекратить это безобразие.

Яна стоит очень близко, и аромат духов щекочет нос уже невыносимо. Я не выдерживаю и громко чихаю, заглушая очередной романтический бред.

Кажется, это воспринято высшим оскорблением. Яна смотрит на меня уже совсем иначе, не скрывая злости.

– Ты еще пожалеешь об этом, – шипит она и уходит, нервно выстукивая каблуками.

А я облегчённо вздыхаю. Хватит морочить голову – и ей, и себе.

Остаток вечера отрабатываю на автопилоте. Потом как пьяный бреду к машине, как в тумане завожу двигатель. Но вместо того чтобы трогаться с места, тупо смотрю в одну точку.

– Женщины, – ворчу недовольно себе под нос. – Вечно они придумывают проблемы и ловко сводят с ума.

Как ни стараюсь, а все мысли крутятся вокруг Ани. Запоздало становится стыдно за свою выходку с похищением. Надо бы наверно позвонить ей, извиниться, попробовать объясниться… И может быть, попытаться заново обратить на себя внимание под другим углом, хммм? Да, точно. Так и сделаю, обязательно. Как-нибудь потом, при случае.

Рычу в бессильной злобе на самого себя и стучу кулаком по рулю. Чего я рассуждаю, как пацан малолетний? Так не пойдет! Если я откладываю дела на потом, то, как правило, в итоге откладываю их на хрен. Так что либо сейчас – либо никогда.

С этими мыслями достаю из кармана телефон и жму на кнопку вызова.

Глава 3. Прости меня

В тот миг, когда иномарка Кондратьева сорвалась с места, обдав меня дорожной пылью, я возненавидела этого мужчину с максимальной силой. Мне, значит, сиди на трассе и дожидайся такси, а он похитил, бросил и свалил.

Отличный финт ушами!

Не удержавшись, я показываю отъезжающей машине средний палец. Именно в этот момент телефон вибрирует в руке. Перевожу взгляд на экран и вздыхаю. Вова. Ну и что ему говорить? Что сначала меня вроде как похитили, а потом я и сама передумала выходить замуж?

Там же гости, родители, приглашенные музыканты…

Тоскливо рассматриваю измятое платье и сбрасываю вызов. Дрожащие пальцы не сразу попадают в буквы, когда я набираю сообщение:

Прости, что сбежала, но я не могла иначе. Позвоню позже. Мне надо проветриться. Извинись за меня перед родней

Если вы думаете, что после этого Вова пожал плечами и забил на ненормальную невесту (теперь уже бывшую), то глубоко ошибаетесь. Количество и частота звонков возросли до такого уровня, что телефон сел за пятнадцать минут. Мне названивали родители и друзья, случайные знакомые (я их даже на свадьбу не приглашала!) Писали смс, умоляли одуматься и вернуться.

Такое чувство, будто Вова вышел в середину зала и торжественно произнес: «Тот, кто уговорит Аню вернуться, получит ящик шампанского». Такой вот своеобразный свадебный конкурс.

Но, когда телефон окончательно вырубился, подъехало такси, и я запрыгнула в него, выдохнув от облегчения.

Пусть Дмитрий Кондратьев и чудак с большой буквы «м», но он уберег меня от самого глупого поступка в жизни.

А дома тихо и пусто, но пустота эта мне приятна. Дышится легко. Последние полгода мы жили у Вовы, а свою студию в спальном районе я зачем-то держала. Не сдавала, не продавала. Видимо, подсознательно догадываясь, что понадобится место, куда я смогу слинять.

Вова вновь обрывает телефон звонками.

– Привет, – вздыхаю тихонько. – Прости меня за всё. Я компенсирую затраты на свадьбу.

На том конце слышится недовольное пыхтение.

– Я поступила ужасно, – продолжаю, только бы не молчать.

Пыхтение усиливается.

– Мне очень стыдно, но…

Осекаюсь на фразе «Мы чуть не совершили громадную ошибку». Вряд ли Вове понравиться ощущать себя человеком, который был всего лишь ошибкой.

– Свадьбу отменять не стали, – пасмурно произносит он. – Друзьям всё равно, где нажираться, да и еде нечего пропадать. Коттедж оплачен до завтрашнего утра. Пусть люди развлекаются.

Я хмыкаю, свободной рукой стягивая с себя тугую ткань. Вова во всем такой: прагматичный реалист. Другой бы свернул торжество и убежал вслед за невестой, а этот рассчитал все «за» и «против» и решил остаться.

Наверное, это было одной из причин того, почему я испугалась становиться женой Вовы. Мне хотелось сумасбродства. Хоть капельку. Чуточку. Но разве прокурор округа, человек не последних кругов, может позволить себе дурачиться?

Да у нас даже свидания были распланированы на десять шагов вперед.

– Спасибо за понимание, Вов. Ты должен злиться…

– Я не злюсь. Когда ты вернешься? – спрашивает ровно.

– В смысле… вернусь?

Так и застываю в одном рукаве, не решаясь стянуть его с себя.

***

– Домой когда приедешь? – уточняет ворчливо. – Вечером или завтра с утра? Мне ждать тебя или ложиться спать?

– Вов, ты не понимаешь? Мы расстаемся. Окончательно. Не будет не только свадьбы, но и отношений.

Вместо ответа – ещё более пасмурное пыхтение. Что-то пошло не по плану, заготовленному Вовой (он думал, что я сбежала со свадьбы чисто из вредности?!), и он начинает беситься.

– Давай обсудим это позже. Я заеду завтра.

Он вешает трубку, а я устало плюхаюсь на диван. Платье, конечно, восстановлению не подлежит. Измято, изодрано, заляпано грязью. Только выбросить, причем темной-темной ночью, ибо с ним даже на помойке стыдно появляться.

Следующие двадцать минут я отвечаю на все звонки. Маме, бабушкам, дедушкам, родне со стороны Вовы. Извиняюсь перед каждым. Многим уже, впрочем, на мои извинения начхать – они пьяны в стельку. Другие охают и ахают, но не возмущаются.

Только вот несостоявшаяся свекровь говорит:

– Чтоб ты сдохла, испортила моему Вовочке весь праздник, – и бросает трубку.

Такое чувство, что праздника был достоин только Вовочка. Да и ладно.

Последними я звоню своим подружкам. Уля с Дашей сами предлагают приехать, да ещё и с вином (которое честно умыкнули с застолья, так как знали о моей любви к нему). В общем, пусть свадьба и отменилась, но ничто не помешает мне отпраздновать.

– Ну и что с тобой случилось? – удивляется Уля.

Она разливает вино по бокалам, и мы выпиваем, не чокаясь.

– Не знаю. Как отрезало. Осознала, что Вова – не мой человек. Мне с ним душно, понимаете? – в доказательство оттягиваю ворот водолазки, будто бы само воспоминание о женихе сдавливает горло. – Я каждый раз успокаивала себя: ничего страшного, стерпится, слюбится. А не стерпится ведь…

– И ты просто уехала? – Дашка качает головой.

– Не совсем. На самом деле, меня украл Кондратьев Дима.

– Чего-чего? – Уля морщит брови. – Это кто?

– Это тип, который был их фотографом, – подсказывает Дашка.

– Был, а потом позвал якобы на фотосессию, увез за десять километров от коттеджа и начал рассказывать, что я достойна большего. Я сначала психанула, послала его на фиг, – Дашка одобрительно хмыкает на эти мои слова, – а потом подумала… Он ведь прав! Спасибо ему за похищение. Оно прочистило мне мозги.

Мы примолкаем. Уля переваривает услышанное, причем по лицу видно, что в её голове плохо представляется фотограф-похититель. Даша же так широко улыбается, что на щеках появляются ямочки. Ситуация её крайне забавляет.

– Мне кажется, ты неправа. – Улька пожимает плечами. – Вова – идеальный мужчина. Он тебя на руках был готов носить, любой каприз исполнял. А ты послушалась какого-то фотографа и перечеркнула всё, что у вас было.

– Да перестань, – осекает её Дашка. – Разве Анюта не может быть счастлива?

– Она сама не понимает, от чего отказалась, – скрипит зубами Уля.

Странно, обычно всё ровно наоборот. Даша – очень семейный человек, который мечтает воспитать пятерых детей, а уж женитьба для неё – идея фикс. Любого потенциального кавалера

Дашка представляет в роли супруга. Если ей нравится увиденное – соглашается на отношения; нет – убегает куда подальше.

Улька же, напротив, оторва. Короткие платьишки, высокие каблуки, случайные знакомства. Для неё нет ничего тоскливее постоянства.

Но сегодня подруги меняются местами. Они ругаются, спорят, и мне остается только откинуться в кресле и подливать себе вина.

Почему-то грусти нет, как и радости. Вообще ни единого чувства. Я как пустой кувшин: что туда нальешь, тем и заполнюсь.

А поздним вечером, когда девочки давно разошлись по домам, мне звонит человек, о котором я даже думать не хотела.

Дмитрий Кондратьев.

***

Я сумрачно смотрю на телефон. Десять секунд. Двадцать. Тридцать. Этот настырный индюк не собирается сдаваться.

– Привет, – его голос с хрипотцой звучит очень соблазнительно.

На мгновение я даже отвлекаюсь от своей ненависти к нему.

– Привет, – отвечаю скупо.

– Я должен перед тобой извиниться.

– Правда? – спрашиваю ехидно. – Хм, за что это?

– За то, что повел себя как последний австралопитек, когда упёр тебя с торжества. Мне не хватало только дубины. В своё оправдание скажу: я хотел как лучше. Не потому, что мне не нравится Суханов, или я желаю ему зла. Просто он тебе не подходит. Ты сама это знаешь, иначе бы ломанулась к своему прокурору, как только я отдал тебе телефон. Но ты осталась. Значит, я был прав.

Так себе оправдание, если честно. С другой стороны, его слова вновь что-то задевают в моей душе. Мне хочется злиться на него, но внутри нет ярости. Только… благодарность. После трех бокалов вина голова такая ясная, словно все ненужные мысли стерты ластиком.

– Всё нормально. Мне почти не хочется тебя убить. Но задаток попрошу вернуть.

– Эй! Я с тобой даже договор на оказание фотоуслуг не стал заключать, полностью доверившись тебе. А ты задаток требуешь, жадная корыстная женщина!

– Ничего не знаю, – стараюсь говорить строгим голосом, а губы сами расплываются в улыбке. – Требую возмещения морального ущерба, и все такое.

– Без проблем, – усмехается Дима. – Я ещё парочку снимков скину. Назовем фотосессию: «Блудная невеста». Вот ты крутишься у зеркала, вот прыгаешь в мою тачку, вот гордо восседаешь посреди шоссе. Романтика!

– Пошел к черту! – а сама начинаю хохотать.

– Давай встретимся, Ань… – голос становится серьезным. – Позволь мне извиниться по-человечески. Ты можешь не верить, но я недоволен собой. Зол на себя за то, что лишил тебя выбора.

«Откажись», – шепчет внутри нечто разумное.

«Согласись!» – бурляит во мне три бокала вина.

– Уговорил. Называй место и время.

– Направлю координаты сообщением, как только решу, куда мы пойдем, – смеется он, а я удивленно хмыкаю.

Ну, определенности от Кондратьева ждать незачем.

И это мне даже нравится.

Глава 4. Миллион алых роз

Кто способен нагрянуть в гости к девяти утра? Только человек, который ежедневно просыпается в пять, наворачивает десять километров по парку, выпивает чашку эспрессо и к семи утра готов захватывать мир.

Короче говоря, я даже не смотрела в «глазок», когда открывала дверь. Сомнений быть не могло: это Вова.

Разумеется, он запамятовал, что я по жизни «сова», и моё утро не начинается раньше полудня. Встречаю его «как есть», то есть в пижаме с совятами и кичкой, затянутой на затылке.

– Привет, – хмуро говорю, опершись плечом на дверную коробку.

– Доброе утро, – улыбается Вова, подсовывая мне стаканчик с капучино. – Разрешишь войти? Я принес пончики.

О, а это внезапность. Он помнит о моей любимой кофейне, что за углом? Да ещё и не против жутко калорийного лакомства, которое состоит, по его же словам, из сахара, припудренного сахарной пудрой?

– Заходи.

Мы протискиваемся в кухню, она же столовая, она же спальня. Вова с неодобрением осматривает беспорядок, который я умудрилась сотворить за день.

Он хорош, мой бывший жених. Глупо отрицать очевидное. Стройный, подтянутый, красивый. Отличный собеседник, умеющий подать себя. Когда-то мне напрочь снесло крышу от этих его качеств.

Но сиюминутная страсть прошла, и мне показалось: пора расставаться.

Да только в моей жизни настал тотальный полярный зверек, о котором даже вспоминать не хочется. Всё пошло наперекосяк. И именно в этот момент Вова проявил себя не только как заботливый мужчина, но и как человек, готовый на всё ради любимой женщины.

Он практически вытащил меня со дна.

Ну а когда Вова сделал предложение, я почти не сомневалась: лучшего варианта мне не найти. Мама рыдала от счастья, узнав, что ей достанется такой замечательный зять.

А теперь вот смотрю на него, сидящего на моем кофейном диване, и понимаю, что правильно сделала, убежав.

В груди не колотится сердце, не вырывается из плена ребер. Вова безразличен мне настолько, насколько это возможно.

– Хочешь, я ещё раз извинюсь? – произношу понуро, когда молчание начинает давить на барабанные перепонки.

– Мне не нужны извинения, Нюра. Давай выплеснем негатив и заживем нормально. Я не обижаюсь, просто хочу понимать, что делать дальше.

О да, он называет меня Нюрой, точно бабушку-кашеварку, но не как сумасбродную, легкую на подъем девушку. У меня всё опускается, когда я слышу это воркочущее: «Нюрочка».

– Что делать дальше? Назвать меня каким-нибудь неприличным словом и найти себе новую девушку, Вов. – Я отпиваю из стаканчика и давлюсь приторно сладким кофе со вкусом карамели.

Он помнил о моей любви к кофейне, но совершенно забыл, что я ненавижу всяческие сиропы.

– Я не хочу никаких новых девушек, – стискивает кулаки. – Ты можешь сопротивляться сколько угодно, но мы отличная пара. Я люблю тебя, Нюра.

«А я тебя – нет», – почти выплевываю я, но нахожу в себе силы промолчать.

– Вов, изначально было понятно, что у нас нет будущего. Я же чокнутая на всю башню. А ты…

– Скучный и серый человечишка? – грустно ухмыляется.

– Нет! Ты сдержанный, правильный. Мужчина с обложки глянцевого журнала.

Я нахваливаю его ещё долго, привожу сотню всяческих доводов. Вова молчит, словно выключился из разговора. Взгляд его бегает по обстановке студии, ни на чем конкретно не останавливаясь. А где-то в пакете валяются пончики, к которым – я точно знаю – никто из нас не притронется.

– Дай мне один последний шанс, – перебивает меня Вова. – Я смогу реабилитироваться перед тобой. Докажу, что тоже бываю сумасбродным.

Он поднимается, смотрит на меня глазами побитой собаки. Никогда не думала, что этот мужчина способен так глубоко переживать. Он всегда был скуп на эмоции, а здесь такая неподдельная боль. Она пронзает его, смягчает черты лица.

– Послушай….

– Только не говори, что ты влюбилась в фотографа? Укатила бы с ним на край света, не так ли? Уж он-то отвечает твоим представлениям о прекрасном принце?

Что? Откуда ему известно о Кондратьеве?..

***

Вова отворачивается так резко, словно собирается расплакаться. Я не вижу эмоций, которыми наполняется его лицо. Но дотрагиваюсь до плеча и говорю:

– Что за глупости. Да и вообще. Откуда ты знаешь о фотографе?

– Дурочка, в коттеджном поселке везде понатыканы камеры. Я видел, как он увез тебя…

– Я не влюбилась в Кондратьева, клянусь. – Даже не вру, потому что к Дмитрию не испытываю точно такое же глобальное ничего, как и к Вове. – С чего ты взял, что он куда-то меня увозил? Может быть, я сама попросила его забрать меня.

– Ну-ну, – фыркает, будто за версту чует мою ложь.

– Именно так! Поняла, что иначе мы оба будем несчастливы. Это нечестно по отношению к тебе.

– Откуда тебе знать, что лучше для меня? Я буду бороться, Нюра. – Вова оборачивается так резко, что я от неожиданности роняю стаканчик с капучино. – Ты стоишь каждой пролитой капли крови. Если придется ради тебя биться, я готов.

Он прижимает меня к стене и припечатывает властным, собственническим поцелуем, а затем, не прощаясь, уходит. Оставив меня в полном непонимании.

Его последние слова ещё долго отдаются в ушах.

Не собирается же Вова устраивать дуэль с Кондратьевым?

Дурацкие фантазии влезают в голову сами по себе. Вот мужчины выбирают оружие, вот делают двадцать шагов друг от друга. Револьверы (стреляться нужно только на них) дрожат на вытянутых руках.

Выстрелы звучат одновременно.

Ну а потом оба промахиваются, ибо ни тот, ни другой не отличаются стрелковыми способностями.

Тьфу!

Да что за день нежданных гостей?! Ровно в полдень в дверь вновь звонят, но уже не Вова, а курьер из цветочной службы. В его руках – гигантская корзина, в которой не меньше двух сотен кроваво-алых роз. Цветы выглядят не живыми, их давно срезали и долго везли в неподходящих условиях.

Мне искренне жалко их.

Заваливаю розами душевую кабинку и качаю головой. Раздражение заполняет до макушки. Наполняя меня всю, целиком, без остатка. Мне хочется молотить по стене кулаками.

Вова должен знать, что я ненавижу такие букеты; так зачем он дарит мне мертвые цветы?..

К корзинке прикреплена записка.

Будущей Анне Сухановой от любящего жениха. Ты краше любого из этих цветков…

Ну, хоть не «бабе-Нюре».

В любом случае, позитивных эмоций не прибавилось. Наоборот, два часа возни с цветами (только бы хоть как-то оживить их) превратили меня в озлобленную фурию. В итоге розы стоят повсюду. В раковине, на кухоньке, закрывают собой подоконник. Они высятся в единственной вазе, занимают малочисленные кастрюльки и кувшины.

Чтоб вы понимали всю глубину свалившего на меня счастья: десяток роз гордо вставлены в бачок унитаза, ибо складывать их было некуда.

А ближе к вечеру Дима присылает координаты. Не соврал! Не адрес, а геоданные, по которым я должна отыскать место встречи. Я ухмыляюсь и забиваю их в навигатор.

Ехать полтора часа.

Продираясь через розовые заросли, я в спешке одеваюсь, крашусь. Ничего особенного. Не на свидание же еду, поэтому джинсов и футболки с Микки Маусом будет достаточно.

Несусь к своей машинке – старенькой «Ладе» темно-болотного цвета – и замираю с ключами перед дверью.

Вашу мать!

Переднее колесо проколото. Неудивительно. Сто лет не проверяла машину, разумеется, какие-то хулиганы уже вовсю поиздевались над ней.

На секунду мне кажется это недобрым знаком. Я вообще суеверна, и такая мелочь, как пробитое колесо, вызывает у меня ворох сомнений. Стоит ли ехать на встречу? Может быть, не поздно развернуться и забить на всё?

Неспроста же с самого утра всё не ладится. Вначале разговор с Вовой, затем цветы эти дурацкие, а теперь и колесо…

С другой стороны, нельзя так запросто сдаваться. Нельзя запираться в четырех стенах и ненавидеть весь окружающий мир.

Нужно сделать этот день особенным.

Прыгаю в такси и срываюсь в центр города, где уже дожидается Кондратьев.

Глава 5. Улыбочку!

Сегодня я настоящий мастер спорта по перепадам настроения.

С утра вскочил ни свет ни заря, что на меня не похоже: я та еще сова, обожаю дрыхнуть до полудня. Но раз уж проснулся окончательно и бесповоротно, то пришлось занять себя подготовкой к фотосъемке, которая прошла в итоге слишком дерганно и взвинтила меня до состояния "не трогать, злой саблезубый фотограф".

Срываюсь на визажиста, который опоздал на целый час, ору на техников в фотостудии, которые перепутали забронированные даты, заливаюсь крепчайшим кофе в попытке восстановить утраченные нервы.

– Я оплатил эту бронь еще месяц назад! – рычу в бессильной злобе, нависая над блеющим администратором. – Как можно было умудриться перепутать залы, объясните мне, молодой человек? Вот я вроде не стилист, но мне кажется, что отсутствие мозгов вам не к лицу.

– Человеческий фактор, – мямлит светловолосый парнишка.

Я готов рвать и метать бесконечно, но тут рядом возникает милая девушка, которая щебечет что-то о техническом сбое программы бронирования и о том, что они нашли для нас свободное время в другом зале. Не бог весть что, но лучше, чем ничего, новый свадебный каталог отснять нужно было срочно.

Прекрасные модели в волшебных платьях поначалу воодушевили, но потом вынесли мозг своей беспросветной тупостью. Нет, ну как можно надеть черное нижнее белье на съемку белоснежных свадебных платьев, а? И если на некоторых нарядах это незаметно, то фасоны других демонстрируют все убожество ситуации.

– Кажется, я забыла пакет со сменной одеждой дома, – испуганно поглядывает на меня незадачливая моделька.

– Я не море, и меня не волнует, что ты забыла или потеряла – белье или мозг по дороге в студию, – я стараюсь не рычать, но выходит плохо. – Снимай все с себя немедленно, будем тебя наряжать на голое тело.

Съемка свадебных платьев сменяется съемкой одеждой для аниматоров детских праздников, и здесь мое настроение снова улучшается. Я так воодушевляюсь, что шучу вместе с аниматорами и цепляю на себя пластиковый ободок с ушками Микки Мауса. Ну а после съёмки иду к машине и в бешенстве смотрю на расцарапанную дверь. Какая скотина это сделала?! Внимательно присматриваюсь к странным царапинам на двери, будто гвоздём сделанные, честное слово. Только этого еще не хватало! Что за хулиганы тут буянили, пока меня не было? Надо бы проверить камеры видеонаблюдения, со стороны фотостудии машину точно должно быть видно. Но сейчас совершенно некогда, и так рискую опоздать, так что решаю отлодить это дело на завтра.

В бешенстве жму на газ и трогаюсь с места. Настроение вновь падает ниже плинтуса, да еще Яна срывает телефон. Не хочу с ней сейчас разговаривать, голова занята другим. И другой.

Во всей этой беготне едва не забываю скинуть Васнецовой геоданные места встречи. А то хорош бы я был: сам предложил и сам молчу. Честно говоря, я так и не определился, куда ее сегодня свозить, а суета в фотостудии не давала сосредоточиться, остановиться и немного подумать. Ну ладно, сообразу по ходу дела, главное – встретиться и постараться не натворить глупостей. Ну, хотя бы попытаться. Мужик я или где?

***

Лечу на всех парах в центр города. Немного волнуюсь: а вдруг Аня не придет? Возьмет да из чувства вредности не придет, с нее станется.

Паркуюсь и с облегчением выдыхаю, завидев издалека знакомую рыжую макушку. Красивая и невероятно притягательная, Аня стоит на берегу, опираясь на гранитный парапет, любуясь проплывающими внизу теплоходами. Мимо как раз проходит один такой большой с разноцветными фонариками на борту, и Аня на фоне мерцающих огоньков выглядит особенно романтично.

– Улыбочку! Вас снимает скрытая камера! – громко говорю я, приближаясь к Васнецовой.

Она оборачивается, чтобы посмотреть, кто это тут паясничает, и я быстро щелкаю камерой, делая парочку кадров.

– По-моему, меня снимает не скрытая камера, а Микки Маус, – замечает она, с удивлением глядя на мою голову.

Черт, кажется, я так забегался, что забыл снять дурацкий ободок.

– Ты подаешь заразительный пример, – киваю на ее футболку, заметив изображение мультяшного героя на одежде, и делаю еще пару кадров.

– А это еще зачем? – улыбается Аня.

Сразу бросается в глаза, как она напряжена. Не знает, куда девать руки, губы сжаты, взгляд подозрительный. Придётся ее сегодня расслаблять как следует.

– Просто так, для красоты. Смотри!

С этими словами показываю ей на экране фотокамеры получившиеся фото. На самом деле использую это как повод подойти вплотную и слегка приобнять. Но Аня так увлечена разглядыванием фотографии, что, кажется, не замечает моих подозрительных телодвижений.

– Красиво! Скинешь мне?

– Сегодня же вечером. А пока что поехали ужинать. Точнее ты будешь ужинать, а я – обедать, потому что мой желудок не помнит ничего, кроме нескольких литров кофе и пары бутербродов на завтрак.

– Поехали? – удивляется Аня. – Надо еще куда-то ехать? Мы разве не на месте?

– Почти. Здесь мы встретились для того, чтобы я сделал тебе пару шикарных кадров. Видишь ли, такой особенный рассеянный свет можно поймать только здесь на набережной и только в это время. У фотографа есть всего пятнадцать минут, чтобы успеть запечатлеть эту уникальную мягкость в кадре. А потом солнце уходит, и свет уже не такой интересный. Видишь, небо уже поменялось.

Киваю в сторону реки и увлекаю Аню к машине.

– Так куда мы едем? – снова спрашивает Васнецова, когда мы трогаемся с места.

– Ммм, понятия не имею.

– Ты меня разыгрываешь, – вздыхает Аня и качает головой.

Открываю рот, чтобы честно признаться, что за целый день ни разу не думал об этом, но тут натыкаюсь взглядом на рекламный стенд с вывеской одного весьма необычного ресторана неподалеку. Я об этом местечке был наслышан, но ни разу не приходилось там бывать. Хммм, это, конечно, будет слабо похоже на обычный ужин, но… Почему бы и да?

– Конечно, разыгрываю. Я только что определился, куда мы двинем, скоро будем на месте.

Аня снова качает головой и спрашивает:

– Сколько тебя помню, ты всегда такой спонтанный, и всегда с камерой… Ты вообще когда-нибудь расстаешься со своим фотоаппаратом?

– Ага. В постели с прекрасной дамой он не очень уместен, – усмехаюсь я.

Аня только громко фыркает.

– В ресторане ты меня тоже фоткать будешь?

– О, нет, боюсь, местная обстановка не позволит сделать мне даже один кадр.

– Это еще почему? – хмурится Аня.

– Увидишь, – я загадочно поигрываю бровями.

***

Решаю сменить тему:

– Расскажи лучше о себе. Мы с тобой в последние годы почти не общались, всё только по делу. А ведь я даже толком не знаю, как ты живёшь. Чем ты сейчас занимаешься?

– Организую выездные церемонии бракосочетания.

– Хорошее дело. Нравится?

– Ещё как! – Аня энергично кивает головой, глаза у нее горят фанатичным огнем. – Все молодожёны такие разные, у всех своё видение торжества. Порою они хотят всяких безумств, но так даже интереснее.

Видно, что она готова бесконечно рассказывать о любимой работе, но умолкает, лишь на щеках появляются ямочки.

– Слушай, а разве ты уволилась не ради того, чтобы открыть цветочный магазин? Или я что-то перепутал?

– Да… Так и есть. По правде, у меня была целая сеть цветочных магазинов по всему городу.

– Назывались, небось, "Анютины глазки"? – спрашиваю с улыбкой.

– Да ну тебя! – Аня смеется и машет рукой. – Это слишком пошло – увековечивать свое имя в названии цветочных лавок. В общем, всё шло неплохо, я даже планировала открыть пару лавок в столице, но…

Она умолкает на полуслове и с невыносимой тоской в глазах смотрит в окно.

– Что-то пошло не так?

– Угу. Мягко говоря. Не знаю, кто на меня взъелся: конкуренты, или просто небеса прогневались… Но в какой-то момент меня задавали проверками. Стали приходить чуть ли не каждый день, придираться ко всем мелочам. Но ладно бы на этом все закончилось, там потом вообще приперлись какие-то бугаи, стали угрожать, требовать денег, – Аня вздыхает, тема для нее явно тяжелая и болезненная. – Меня тогда здорово выручил Вова. Просто натурально спас от этих бандитов, если честно. Работа, правда, после этого разладилась, пришлось все закрыть, но… что бы я без него делала?

С титаническим трудом подавляю в себе желание сказать что-нибудь едкое.

– И ты, значит, прониклась бесконечной благодарностью к прекрасному принцу? – уточняю как можно более ровным голосом.

Аня молчит, и мне очень не нравится это молчание. Создается впечатление, что она собиралась выйти замуж за Суханова только лишь потому, что тот вытащил ее из какой-то дерьмовой истории. Но, видимо, углубляться в это сейчас не стоит, так что возвращаю разговор в прежнее русло.

– Ты занимаешься декором выездных регистраций, да? Покажешь что-нибудь?

Мы как раз стоим в пробке, и есть время посмотреть фотографии. Листаю галерею на анином смартфоне, искренне восхищаюсь красотой и изяществом сложных цветочных композиций.

– Здорово! Это, правда, выглядит великолепно. Настоящее искусство.

– Спасибо. Ещё б мои родные считали так же, как ты…

Аня опять тяжело вздыхает.

– А что им не нравится?

– По их мнению, работа должна быть стабильной. Оклад, пятидневка, белые воротнички. Извини, если загрузила. Это я так, о наболевшем.

Что-то мне подсказывает, что и женишок Ани был недоволен выбором невесты. Потому что тему она сворачивает очень уж быстро.

– Ты его любишь? – спрашиваю прямо.

– Кого? – изображает дурочку, но тотчас сдается. – Да… Нет… Не знаю. Слушай, что за дурацкие вопросы ты задаешь?! При чем тут вообще Вова?!

– Да так, к слову пришлось, – пожимаю плечами. – Уверен, что в мире полно достойных мужчин, кто примет тебя такую, какая ты есть, и поддержит все твои творческие порывы.

– Намекаешь на себя?

– Нет, ну откуда столько яда в голосе, а? – притворно возмущаюсь я.

– Вообще-то ты меня позвал для того, чтобы извиниться, а не демонстрировать павлиньи перья.

– Одно другому не мешает, – расплываюсь в улыбке и весело подмигиваю. – А теперь вылезай из машины, мы на месте.

– Сейчас, только… – Аня хихикает как-то очень уж ехидно. – Только ты все же сними с себя эти ужасные пластиковые ушки, а? Хочется пойти на ужин с Димой Кондратьевым, а не с мультяшным героем.

– Да не вопрос, – усмехаюсь я, скидывая пластиковый ободок. – Ну что, теперь ты готова к новым впечатлениям?

Глава 6. Наощупь

– Куда мы пришли? – спрашивает Аня, когда мы поднимаемся по красивой лестнице на второй этаж.

– В ресторан. Но не обычный, а со своей изюминкой. Будем ужинать в темноте.

– Как это – в темноте? – хмурится Аня. – С завязанными глазами, что ли?

– Я так и знал, что ты не против ролевых игр, – поигрываю я бровями. – Но, увы, нет, здесь все не настолько интересно. В зале ресторана стоит полная, беспросветная темнота, и есть мы будем наощупь. Никогда тут ранее не бывал, но должно быть весело.

– А как же мы будем выбирать меню, если там вообще ни черта не видно?

– Меню вы закажете прямо сейчас, – с готовностью поясняет администратор, встретивший нас на пороге ресторана за высокой черной стойкой. – Выбирайте цвет меню из предложенных.

– Цвет? – переспрашивает Аня. – Именно цвет?

– Да, вы выбираете меню-сюрприз согласно вашим вкусовым предпочтениям, – пускается администратор в объяснения. – Вы не знаете, что именно вам принесут, будете угадывать блюда, полагаясь только на свои рецепторы. Вам принесут комплексный ужин, состоящий из нескольких блюд, согласно выбранной вами категории. Смотрите, у нас есть Красное меню: здесь представлены мясные блюда. Синее меню включает в себя рыбные блюда и морепродукты. Есть Белое меню, которое сочетает в себе мясные и рыбные блюда, разнообразные десерты и напитки. Желтое меню не является полноценным ужином из горячих и холодных блюд, здесь вам будут представлены различные закуски из кухни различных стран мира. И есть также Зеленое вегетарианское меню.

– Ух ты! – невольно вырывается у Ани. – Ничего более странного в ресторанах я еще не видела!

Я удовлетворённо хмыкаю. Понятия не имею, что за отраву нам принесут, но сюда стоило приехать уже хотя бы для того, чтобы увидеть искреннее восхищение и живой интерес в глазах Васнецовой.

– Выбирай меню, – киваю ей. – Чем ты сегодня хочешь полакомиться?

– Я… Даже не знаю…

– Если тебе все равно, давай возьмем Белое? – предлагаю я, листая разноцветные меню. – Мне оно кажется наиболее интересным, так как здесь представлены самые разнообразные виды продуктов. Сложнее будет угадать, что нам подсунули на тарелку.

– Пожалуйста, сдайте все ваши личные вещи в камеру хранения, – любезно просит администратор, когда мы определяемся с меню.

– А это еще для чего? – подозрительно щурится Аня, прижимая к груди смартфон.

– Чтобы никакие внешние раздражители не мешали вам в полной мере наслаждаться вкусом и единением друг с другом.

Я коротко смеюсь. Фраза про единение мне очень нравится, хммм…

А вот Аня нервничает, причем непонятно, отчего больше: из-за наличия меня в опасной темной близости или перспективы расстаться с гаджетом.

– А если мне будут звонить клиенты?

– Перезвонят позже, или ты сама им перезвонишь, – говорю я, решительно вырывая у нее из рук смартфон и запирая его в камере хранения с остальными вещами.

Поворачиваюсь к администратору, лучезарно улыбаясь.

– Ну что, мы готовы, ведите нас.

Девушка кивает и делает какие-то пометки у себя.

– Сейчас вас проводят в вашу комнату.

– Комнату? – испуганно пищит Аня.

Меня откровенно забавляет ее реакция, но для спокойствия все же поясняю:

– Зал ресторана поделен на отдельные зоны, чтобы отгородиться от болтовни других гостей.

Нам навстречу выходит невысокий мужчина средних лет в черных очках. Незрячий или слабовидящий? Любезно улыбается нам рассеянной улыбкой и говорит:

– Добрый вечер, меня зовут Павел. Пожалуйста, возьмитесь за руки, я буду вашим проводником и официантом сегодня.

– А это обязательно? – неуверенно протягивает Аня, с опаской косясь на мою руку.

– Да брось, сегодня не полнолуние, так что я не кусаюсь, – усмехаюсь, беря ее за руку, и добавляю тише:

– Но могу немножко покусать, если ты окажешься слишком вкусной.

Аня пунцовеет и ничего не отвечает, только крепче сжимает мою ладошку, когда мы ступаем в непроглядную черноту зала.

***

Тут темно хоть глаз выколи. Силюсь разглядеть хоть что-то, но в зале стоит совершенно непроницаемая чернота. Нас провожают куда-то вглубь зала и помогают усесться на мягкие диванчики друг напротив друга. Здесь играет ненавязчивая тихая музыка, атмосфера приятная.

Я с интересом ощупываю деревянную столешницу и обнаруживаю, что идея потрогать все вокруг пришла не только мне в голову. Наши с Аней руки сталкиваются где-то посреди стола, и я успеваю накрыть ее ладони до того, как Васнецова испуганно отдернет их.

– Поймал, – говорю, улыбаясь до ушей.

И пусть Аня не видит моей улыбки, но надеюсь, что смогу передать ее интонацией. Во всяком случае, мне кажется, что сейчас Аня тоже улыбается в ответ. Руки, кстати, сразу не убирает, и я осторожно глажу ладони кончиками пальцев, наслаждаясь тактильными ощущениями, после чего Аня всё-таки отдергивает ладошки обратно.

– Странно сидеть так в ожидании ужина, – произносит она натянутым голосом. – Словно бы все происходит не по-настоящему, а во сне. Кажется, это будет самая необычная трапеза в моей жизни.

– Тогда пусть это будет очень сладкий сон… Во всех смыслах, – двусмысленно произношу я.

Очень хочется видеть, какое сейчас выражение лица у Ани? Мне ужасно нравится ее смущать и наблюдать за сменой эмоций на лице. Но здесь темно и остается только гадать, что там сейчас у нее на уме.

Нам приносят блюда, расставляют их на столе, и я замираю в растерянности.

Черт, а где вилка вообще? Ох, вот она, к счастью, находится быстро. А вот попасть вилкой в еду оказалось занятием не таким простым. Вроде бы, что может быть проще? Но нет, мозг, лишенный возможности видеть, творит черт знает что, и в итоге вместо предполагаемого куска мяса я накалываю…

– Салфетку. Кажется, я наколол на вилку салфетку, представляешь?

– Повезло тебе, я пока только тарелку нащупала. Как думаешь, будет очень некрасиво, если я плюну на поиски вилки и начну есть руками?

– Разумеется. Стыдно так вести себя в приличном обществе, кругом люди вокруг, не видишь, что ли?

Мы смеемся, попытки найти еду на собственных тарелках в полнейшей темноте здорово разряжают атмосферу.

– На самом деле, можешь не париться и есть руками. Но по мне так вилкой сложнее, а потому – интереснее.

– А ты вообще любишь сложности, да? – усмехается Васнецова.

– Сложности, экстремальные виды спорта…

– Похищение чужих невест тоже к этому относится?

– Ага, – весело поддакиваю я и, наконец, справляюсь со столовыми приборами.

От тарелки вкусно пахнет мясом, а вот со вкусом творится что-то непонятное. Оказывается, когда не видишь, что ешь, могут возникнуть сложности с идентификацией блюда.

– Это похоже на говядину, – задумчиво протягивает Аня. – Но она какая-то странная, с легким рыбным привкусом. Не могу понять, что это, представляешь? Рыба или всё-таки говядина?

– Или крокодил, – прыскаю я. – Как тебе такая идея?

– А что, вполне может быть, – смеется Аня.

Но самое веселье началось с напитками. Сначала я чуть не опрокинул стакан, расплескал половину, а потом судорожно пытался вытереть стол салфетками. Аня бесконечно веселится, слушая мои комментарии по этому поводу. У нее самой проблем с поиском бокала не возникает, и она с удовольствием потягивает вино. Кажется, она только сейчас расслабилась. Что ж, лучше поздно, чем ещё позже.

Вытирая стол, как бы невзначай, а на самом деле нарочно нащупываю в темноте руку Ани. Не покидает дурацкая жажда прикосновений. И откуда она взялась?

– Это ты меня за руку взял?

– Нет, это кровожадный вампир, жаждущий впиться в шею своей новой жертве, – произношу скрипучим голосом.

Аня звонко смеется, а я думаю, что действительно не прочь впиться в ее шейку – жгучим поцелуем. Таким, чтобы у Ани дыхание перехватило, чтобы она отчаянно жаждала продолжения, чтобы…

Так, стоять!

В который раз за вечер одергиваю себя от пошлых мыслей, но непристойные картинки так и лезут в голову.

Интересно, а стены тут очень тонкие?.. Если Аня начнет подо мной стонать, сюда сбегутся все работники ресторана?

Трясу головой, прогоняя назойливые мысли прочь, но получается неважно.

Проклятье, о чем я думаю вообще?

***

А Васнецова наверно не понимает моих поползновений в ее сторону… Небось, думает, что просто дурачусь. И я собираюсь перейти к более решительным действиям.

– Ты больше не сердишься на меня? – спрашиваю осторожно.

– Что? А… Нет… Да… Не знаю, – смеется Аня. – Я сама пока до конца не определилась.

Вот интересно, раньше она такой не была. Аня всегда чётко знала, чего хочет, и что чувствует, никогда не была похожей на барышню, которая не может в чем-то определиться. Неужели она стала такой под крылышком Суханова?

– Надо бы задобрить тебя чем-нибудь сладеньким, – усмехаюсь я, переходя к сладкому завершению ужина.

– А десерт, кстати, вкусный, – одобрительно говорит Аня, тоже, видимо, перейдя к последней тарелке.

Задумчиво облизываю ложку и смотрю в черноту перед собой. Я не могу видеть Аню, но могу ее касаться, да еще как. А что, если?..

– Как думаешь, у меня получится тебя накормить мороженым?

– Получится, конечно. После того как ты выколешь мне глаз вилкой, – хохочет Аня.

– Давай все же попробуем. Я рисковый парень, а ты сама виновата, что согласилась запереться со мной в темной комнатке.

Аня снова хохочет, и пока она говорит, я как можно более бесшумно перебираюсь к ней на диванчик. Она не сразу понимает, где я, и вздрагивает, когда слышит мой шепот совсем рядом:

– Мне кажется, я знаю наилучший способ накормить тебя мороженым.

– Это какой же? – также шепотом спрашивает Аня.

Чувствую ее дыхание совсем близко, протягиваю руку, чтобы легонько очертить кончиками пальцев контур лица и линию губ.

– Дима… Что ты делаешь?

Вместо ответа склоняюсь ниже и невесомо касаюсь губами легким поцелуем. Мягко, нежно, лишь с обещанием большей ласки. Аня судорожно вздыхает и порывается что-то сказать, но я не даю ей этого сделать, углубляя поцелуй. Не надо никаких лишних слов. Только чувства, только эмоции и ощущения.

Аня упирается ладонями мне в грудь, но не отталкивает. Лишь напряженно стискивает рубашку и явно не знает, как себя вести. Прерываю поцелуй, чтобы спросить:

– Ну как тебе десерт?

Замираю в ожидании ответа и слышу едва слышное:

– Я… Не распробовала…

– Тогда может повторить?..

Тянусь к Ане, стягиваю с нее дурацкую резинку для волос, освобождая локоны. Так приятно пропускать их между пальцами, вдыхать сладковатый аромат парфюма…

На этот раз мой поцелуй более требовательный и жадный. Крепко обнимаю Аню, скольжу руками по спине, волосам. В голове не остается ни одной связной мысли. Только желание целовать – неистово, страстно. Оно накрывает меня с головой, я полностью растворяюсь в этих ощущениях, и мои поцелуи становятся все глубже и интимнее. Опасно интимнее.

***

В комнату заходит официант, Аня вздрагивает и резко отстраняется, словно обжегшись.

Радуюсь тому, что в темноте не видно ни моего смятения, ни степень моего возбуждения. Чувствую себя пьяным, хотя вино пил не я, а Аня.

Пока официант убирает со стола, успеваю привести свои мысли в какое-то подобие порядка.

Аня что-то бормочет про то, что ей срочно надо домой, и я безропотно соглашаюсь покинуть ресторан. Все равно если мы продолжим сидеть тут в темноте, я либо уложу Аню на диван, либо прямо на стол. Вряд ли она сейчас это оценит, нужно дать ей время переварить эмоции.

К моменту, когда нам предлагают вновь взяться за руки т проследовать в холл, я все еще пребываю в ватном состоянии, но в руку Ани на этот раз цепляюсь особенно крепко. Она не возражает, но я всей сущностью чувствую ее напряжение.

На выходе из ресторана нам рассказывают, какими именно блюдами нас сегодня потчевали. Оказывается "рыбная говядина" в самом деле была кусочком крокодила, ну надо же. Попытки угадать ингредиенты веселят и отвлекают от того, что произошло между нами, но всю обратную дорогу мы молчим. Я не знаю, что сказать, и Аня, наверно, тоже не знает.

Останавливаю машину около ее дома и наконец-то решаюсь посмотреть в лицо Васнецовой. Мне ужасно не хочется ее отпускать. Хочется утащить в свою берлогу, раздеть не только

глазами и показать, где скрывается райское наслаждение. Но я чувствую, что сейчас это будет перебором. Всё-таки хрупкая связь, возникшая сегодня между нами, должна окрепнуть.

Нервно барабаню пальцами по рулю и спрашиваю как можно более непринужденным голосом:

– Может быть, сходим куда-нибудь вместе на неделе?

– В кино? – усмехается Аня, скривившись так, что сразу становится понятно: ей такое времяпровождение точно будет не по нутру.

Я, в самом деле, думал пригласить ее в кино. Но услышав этот кислый тон, резко меняю концепцию. Кажется, Васнецова сыта по горло классическими ухаживаниями. Мне вдруг захотелось удивить Аню, показать ей, как интересен мир вокруг. Пробудить снова в ней страсть к жизни и, чем черт не шутит, может быть, и ко мне? Душа требует продолжения сегодняшнего банкета в виде жарких объятий и не только.

– Да ну, брось, ходить с прекрасной дамой в кино – это прошлый век. Поехали кататься на лошадях, а?

– Да уж, лошади – это очень современно! – фыркает Аня.

– Это смотря где и с кем кататься. Я знаю очень красивые места, готов спорить, тебе понравится.

Аня неуверенно пожимает плечами, но и отказываться не спешит.

– Посмотрим, созвонимся, – неопределённо пожимает она плечами и пулей вылетает из машины, так и не удостоив меня на прощание взглядом или теплым словом.

Однако перед тем как зайти в подъезд, она все же оглядывается на меня и робко улыбается.

– Обороны треснул лед, – удовлетворенно шепчу я в темноту и трогаюсь с места, весьма довольный собой.

Глава 7. Утро вечера мудренее

Неспроста девочки с работы называли Кондратьева опасным типом. С таким легко спутаться, рухнуть в него точно в омут. Без возможности выплыть. Очень уж он убедителен в своей беспечности.

Но я понимала, что он обхаживает меня только для того, чтобы уложить в койку, добавить имя в бесконечный список из девиц и найти новую жертву. Проблема в том, что мне понравилось быть его жертвой.

Пусть минутная слабость, пусть без обязательств, но после долгих отношений с Вовой мне не хватало чего-то ядовитого. Ядерного. Взрывного.

Не удивлюсь, если Дима постоянный клиент ресторана в темноте, потому что где ещё можно так легко и ненавязчиво развести девушку на поцелуй? Обстановка обязывает. Меня не смутило то, во что перетекли извинения. Напротив, хотелось молить его не останавливаться. Никогда.

Но темнота сменилась ярким светом, и сиюминутное желание исчезло.

Не понимаю, что испытываю от этой ситуации. Удовольствие? Смущение? Дикий стыд?

Окончательно запуталась в себе. Надо бы разложить мысли по полочкам, да только не получается, потому что все здравые доводы стираются, стоит вспомнить о жарких прикосновениях.

А за весь день ни одного звонка от клиентов. Я, конечно, всем сообщила о свадьбе и предстоящем «медовом месяце», но когда это останавливало людей? Они названивали мне даже по ночам, причем иногда с очень странными вопросами. Например, одна невеста в слезах просила убрать со столов цветочные композиции.

В пять часов утра.

В общем, всеобщее молчание меня напрягло. Я даже выложила несколько снимков с предыдущих торжеств, после которых потенциальные клиентки обычно разрывали телефон.

Ничего.

Странно. Ладно, подумаем обо всем завтра, сегодняшний день слишком насыщенный, чтобы размышлять о чем-то ещё.

…Я ложусь на диван с ведерком мороженого и включаю любимый сериал. Ужин в темноте, конечно, прекрасная вещь, но это скорее развлечение, чем реальная трапеза, ибо еды на тарелках – кот наплакал. Сколько там было, этого крокодила? Три кусочка на весь ресторан?

Так что будем набивать пузо запретными лакомствами, пока сериальные герои признаются друг другу в любви.

Но только я берусь за ложку, как начинает вибрировать телефон. Мама.

О, нет…

– Вчера мы толком не поговорили, – её голос суров, и я ощущаю себя нашкодившей малявкой. – Весь вечер на Вове лица не было. Зачем ты так издеваешься над ним? Он ведь замечательный мальчик, тебе второго такого не найти.

– Мам, почему сразу издеваюсь? Почему я не могу жить так, как сама захочу?

– Тебе напомнить, чем закончилась твоя прошлая попытка самостоятельности? – она цокает языком. – Кто вытащил тебя со дна, хоть ты и вела себя с ним по-скотски?

Не нужно мне ничего напоминать. Всё я помню. Без Вовы я бы, скорее всего, сидела за решеткой или лежала в канаве, а мне оба варианта как-то не очень.

Но маму не остановить. Следующие пять минут она ругается, не позволяя мне даже вклиниться в обличительный монолог.

– Человек ради тебя продал загородный дом, оббил все ноги о пороги судов, а ты вместо того, чтобы стать верной женой, плюнула ему в лицо. Да ещё и прилюдно, – заканчивает она. – Неблагодарная же ты, Аня. Неужели мы с отцом растили тебя такой?

– Я сама себя такой вырастила, – отвечаю язвительно. – Мам, пойми, наконец: нельзя существовать вместе только из чувства привязанности или долга.

– Глупости. Все так живут, а ты чем лучше?

Я даже не знаю, что ответить на этот довод. Всё-таки от родных людей ждешь понимания, а не упреков. Но вдруг на экране высвечивается второй звонок. О, невеста, с которой мы недавно заключили договор.

– Мне клиентка звонит, давай поговорим позднее.

– Клиентка, – в мамином голосе слышится отвращение. – Опять со своими игрушками возишься. В следующий раз кто тебя спасать из долговой ямы будет? Мы с отцом? Не надейся.

Она вешает трубку, не попрощавшись, и я ещё несколько секунд борюсь с желанием запустить в стену мороженое.

***

Почему она так категорична? Почему не может принять мой склад ума?

Ведь я ловлю нереальное удовольствие, организовывая свадьбы. У всех разное представление об идеальном торжестве. Кто-то предпочитает уединение на морском побережье, кто-то закатывает шумные вечеринки во дворцах, а кто-то просит устроить тусовку в духе 70-ых.

У меня аллергия на классические застолья, где из сотни гостей половина друг друга впервые видит. Так что нестандартные свадебные регистрации стали моей фишкой.

Но мне всякий раз обрубают крылья.

Да и черт с ним!

– Добрый день, Валерия, – отвечаю на звонок. – Рада вас слышать. Определились с тематикой?

– Анна, здравствуйте. Я звоню, чтобы попросить вернуть предоплату. Мы вынуждены расторгнуть договор с вами.

– Что случилось?..

Невеста долго колеблется, а затем произносит:

– Отзывы… они не очень… нас вам посоветовали знакомые, которые в тот момент организовывали свою свадьбу, но они остались недовольны.

Что тут ответить, кроме безысходного «Понятно»?

Я обещаю перевести деньги на карту, а сама судорожно вспоминаю, кто мог так насолить мне.

На моем опыте была всего одна провальная свадьба. Невеста хотела обычного торжества: всё в классических тонах, банкет, фотозона, арка, обвитая цветами. Самое простейшее, что можно придумать.

Но меня переклинило. Мы с Вовой как раз решили пожениться, и мне ужасно хотелось креатива. Я лезла на стену от идей жениха и машинально стала проецировать собственные фантазии на свадьбу ни в чем неповинной невесты.

В итоге мы переругались, девушка осталась недовольна и даже рыдала. Я получила полную оплату из рук разозленного жениха, хотя сама понимала – этих денег не заслужила.

Всё-таки в работе нужно оставаться профессионалом. Всегда.

Хм, если вдуматься, с тех пор всё идет неладно. Её жених был известным в сфере мероприятий ведущим. Его имя на слуху, есть раскрученная группа в соцсетях. Он вполне мог распустить слух, что его свадьба провалилась благодаря Анне Васнецовой.

Надо что-то делать. Черт. Черт. Черт.

Я не позволю погибнуть ещё одному своему бизнесу!

***

У каждого есть друг, которого можно охарактеризовать коротко: «Проблемный». Он вечно влипает в неприятности, и про его приключения можно слагать легенды.

Уля – классический пример такого человека.

В особенности, ей нельзя пить. От слова «ни капли», ибо бокал шампанского срывает у нашей подруги всякие тормоза. Периодически она звонит нам с Дашкой посреди ночи и заплетающимся языком говорит, что потеряла телефон (деньги, сумочку, паспорт). Как вы понимаете, звонит она как раз с того телефона, который «потеряла».

Вот и сегодня она объявляется ближе к одиннадцати вечера с голосовым сообщением:

– Ань, выручай, я где-то посеяла кошелек. Мне не уехать домой. Забери меня из клуба «Сырое яйцо»? Ну, пожа-а-алуйста.

Я недавно помылась и разложила диван, а потому совсем не воодушевлена идеей сорваться с места ради сумасбродной подруги. С другой стороны, для чего ещё нужны друзья? Кто надает ей по щекам, но доведет до квартиры и даже положит на туалетный столик таблетку от похмелья?

– Еду, – отвечаю коротко и с обреченным видом напяливаю джинсы.

Можно, конечно, свалить Улю на Дашку, но у той недавно образовались постоянные отношения. Не хочется, чтобы влюбленные голубки проводили вечер вместе с пьяной подругой.

Ладно уж, вызову такси, и в путь.

Ночной город даже живет как-то иначе: рвано, заполошно. Он насквозь пропах алкоголем, и отовсюду долбит музыка. Я не любитель клубов, потому что не понимаю: а в чем кайф? Ты танцуешь под громкие басы, трешься телом о какого-нибудь незнакомца, потому что в зале мало места. Выпивка здесь дорогая, а с едой вообще напряженка.

Уж лучше проверенный бар, где и выпить можно, и закусить, и потанцевать.

Я продираюсь через толпу на входе и взглядом сканирую помещение, освещенное ярко-синими огнями. Здесь так громко, что бесполезно разговаривать – всё равно не перекричишь музыку.

Ули нет и на танцполе, и за столиками. На звонки она перестает отвечать, и меня охватывает паника пополам с раздражением. Неужели с ней что-то приключилось? А если нет, то куда эта дурья башка испарилась?!

Заглянуть в туалет я додумываюсь в последнюю очередь. И правда, подруга обнаруживается там, у раковины, да не одна, а в компании одного небезызвестного мне мужчины.

***

– Вова? – удивляюсь я. – Что ты здесь делаешь?

– А что такого? – Моя бывший жених жмет плечами и выключает кран. – Ульяна по привычке набрала мой номер, я понял, что дело – дрянь. Поехал выручать. Разве я не могу помочь хорошему человеку?

Уля всё это время пьяно улыбается и молчит. Её волосы намокли, на лице блестят капли воды. Фиговая из неё Русалочка, если честно.

Я задумчиво смотрю на Вову, который тащит на себе пошатывающуюся подругу к выходу. Всё-таки он исключительно положительный мужчина. Герой. Девичья мечта, воплощенная в человеке. Черт, да ему нужна домашняя девочка, готовая рожать и кашеварить. Изначально было понятно, что я – плохой вариант.

Во мне вновь растет благодарность, и это чувство губительно. Ещё немного, и оно заставит меня усомниться в своем решении. Нет уж, если расставаться, то навсегда. Больше никаких ложных надежд.

Мы довозим Улю до квартиры и, уложив в кровать, убеждаемся, что мини-пьяница уснула сном младенца. А на улице только-только гаснут огни ночных клубов. Скоро ночная темень сменится рассветом.

– Подвезти? – спрашивает Вова без капли усталости.

– Давай.

Ну а чего отказываться? Такси вызывать – это время тратить, а он сам предложил. Без всякого злого умысла.

– Может быть, съедим по гамбургеру? – уже в машине спрашивает мой бывший, чем заставляет меня поперхнуться зевком.

– Ты же не любишь фастфуд, – удивленно изгибаю брови.

– Да чего-то захотелось, вспомнилось, как ужинали там с тобой после какого-то балета.

Действительно, было дело! Мы проезжали мимо бистро, и я с трудом уломала Вову купить себе что-то, кроме черного кофе. Удовольствия от еды, впрочем, не получила, так как бывший зудел весь вечер без остановки. «Это не пища, а сплошной жир, холестерин, вред для организма, таким только убивать себя. Бу-бу-бу. Подумай о фигуре. Бу-бу-бу. Тебе ж ещё детей рожать».

Но сегодня он настроен благодушно. Мы поедаем котлету с картошкой фри, сидя на капоте машины. Вова рассказывает о том, как вчера торжество переросло в обыкновенную пьянку, как его тетя-Зина отплясывала на столе и как кто-то из гостей стонал в туалете, напугав старенькую бабу-Валю до чертиков. Ибо она решила, что из унитаза лезет демон и завывает предсмертным воем.

Странное чувство. Мне даже нравится обсуждать с ним то, как не состоялась наша свадьба. Это весело. Будто и нет между нами неловкой паузы, будто всё стало как раньше.

Но потом я вспоминаю ужин с Димой и понимаю, что с Вовой можно разве что дружить. Вот так срываться куда-нибудь в ночь или встречаться в кофейне, чтобы пожаловаться на клиентов. Он всегда выслушает и поймет.

Но целоваться с ним в темноте зала, забыв о том, как дышать, потому что в горле колотится сердце, я бы не смогла.

Не могу сказать, будто я схожу с ума без Кондратьева. Нет, жизнь научила меня оставаться хладнокровной при виде таких мужиков. Но в качестве мимолетной встряски он подойдет.

Думаю, будет правильно развлечься с Кондратьевым и уйти первой, чтобы не стать одной из сотен баб в послужном списке. Посмотрим, чем удивит меня Дима. Не зря ж его нахваливал весь наш офис.

Даже не верится, в какую расчетливую женщину я превратилась.

***

Следующее утро начинается со звонка Уле. Исключительно из мстительных побуждений я набираю её номер в несусветную рань. Пусть помучается. Но та отвечает бодрым голоском, словно и не напилась вчера до состояния нестояния.

– Слушай, какое же хорошее вино продается в клубе. Голова чистая! Спасибо, что спасла, солнце, – мурлычет в трубку. – Ты не разозлилась на меня за Вову? Клянусь, я позвонила ему нечаянно.

– Да ничего страшного, – вздыхаю. – Уль, почему ты вообще поехала куда-то в одиночестве? Почему нас не позвала? У тебя всё хорошо?

– Я вообще-то с парнем там тусовалась, но этот козлина меня бросил посреди вечера. Знаешь, что сказал? Что его дома семья ждет, жена запрещает ему возвращаться позже одиннадцати вечера. Вот уродец! – она добавляет ещё парочку слов, гораздо крепче и злее. – Ну, я немного и переборщила с выпивкой на радостях. Обещаю исправиться.

– Себе-то не ври.

– Ну а вы с Вовой как? Не переругались?

– Не, всё нормально. Довезли тебя, потом перекусили. Ну и разъехались по домам.

– Ой, как здорово, – лопочет она. – Настоящее свидание. Чем он тебя кормил? Чем-нибудь вкусненьким? Да-а, Анька. Какой он всё-таки лапушка, я иногда даже завидую, что это ты отхватила Вована, а не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.